

О. Т. Мельникова, Д. А. Хорошилов

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ
КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)**

Статья посвящена проблеме изучения гносеологических и практических особенностей, характерных для современных методов качественного анализа: метода матриц Майлса и Хабермана, метода обосновывающей теории Страусса и Корбин и метода дискурс-анализа. Приведены результаты сравнительного эмпирического исследования, а также авторские модели для рассмотрения аналитического инструментария с точки зрения специфики данных, особенностей кодировки первичных данных, стратегии описания полученных категорий, интерпретации результатов.

Ключевые слова: качественная методология, качественный анализ, метод матриц, метод обосновывающей теории, дискурс-анализ, стратегии анализа данных.

Article is devoted a problem of studying of gnoseological and practical features, of modern qualitative analysis methods: Miles and Huberman's matrix method, Strauss and Korbin's grounded theory and discourse-analysis. The results of comparative empirical research and author's models for consideration of analytical toolkit from the point of view of specificity of the data, features of the coding of the primary data, strategy of the description of the received categories, interpretation of results are resulted.

Key words: qualitative methodology, qualitative analysis, matrix method, grounded theory, discourse analysis, strategies of the data analysis.

Предмет данного исследования — современные методологические подходы, используемые при качественном анализе данных (КАД): метод матриц Майлса и Хабермана, метод обосновывающей теории Страусса и Корбин и метод дискурс-анализа (Henwood, 1996; Henwood, Pidgeon, 1994). Выбор именно этого ряда опирается на исследование К. Хенвуда, выделившего на основе изучения специальной литературы и периодических изданий методы КАД, наиболее часто употребляемые в психологии и социальных науках (Henwood, 1996). Объектом исследования стали первичные качественные данные, представленные в текстуальном

Мельникова Ольга Тимофеевна — докт. психол. наук, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* melnikova-o@yandex.ru

Хорошилов Дмитрий Александрович — аспирант кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* dmitry_libra@mail.ru

виде, — стенограммы индивидуальных интервью¹. Выбор именно этих материалов диктовался необходимостью соблюдения валидности нашего исследования, что потребовало устранения такой переменной, как групповая динамика, которая при определенных условиях может выступать побочной. Для устранения другой побочной переменной, а именно влияния содержательного аспекта интервью на результаты анализа, мы постарались варьировать темы интервью и сделать их как можно более разнообразными. Нами было изучено 100 интервью общим объемом около 700 страниц.

Исследование включало два этапа. На *первом* этапе стенограммы анализировались тремя основными методами КАД: методом матриц Майлса и Хабермана (Miles, Huberman, 1994), методом обосновывающей теории Страусса и Корбин (Страусс, Корбин, 2001; Charmaz, 2006; Goulding, 2002) и методом дискурс-анализа (Филлипс, Йоргенсен, 2008; Potter, Wetherell, 1987; Wiggins, Potter, 2008). Далее проводилось сравнение методов по следующим критериям: а) особенности стратегии кодировки первичных данных; б) особенности стратегии описания полученных категорий данных; в) особенности стратегии интерпретации данных; г) специфика вида данных, получаемых при каждой из обозначенных стратегий; д) итоговый результат анализа. На *втором* этапе исследования анализировались специфические черты изученных стратегий работы с качественными данными.

Валидность и надежность исследования обеспечивались специальным методическим рядом, традиционно применяемым при КАД: методом триангуляции, методом комплексной обработки данных, константным методом, а также включением в анализ полуформализованных процедур — качественного контент-анализа (Мельникова, 2007; Breitmayer et al., 1993; Kirk, Miller, 1986; Silverman, 2000, 2006).

Метод матриц Майлса и Хабермана

В самом начале работы со стенограммами интервью мы столкнулись с двумя отличительными чертами этого метода. Во-первых, категориальная сетка для кодировки первичных данных оказалась весьма абстрактной и общей, вследствие чего нам приходилось постоянно дополнять категориальный аппарат по ходу исследования. Во-вторых, специфика используемых в данном методе универсальных категорий существенным образом определила тематическое направление аналитической работы. Авторы метода делают акцент преимущественно на социальных коммуникациях между индивидами и малыми группами, а также на особенностях восприятия ими изучаемого предмета или явления (Richards, 2005).

¹ Использовались материалы, полученные в исследованиях, выполненных лично и под руководством О.Т. Мельниковой.

Например, в серии интервью, посвященных изучению представлений студентов о работоспособности, удалось выявить многочисленные и сложно дифференцированные связи между категориями, которые касаются восприятия и каузальной атрибуции относительно своей и чужой группы. Респонденты часто причисляют себя к группе с высокой степенью работоспособности, рассматривают себя примерно на одном уровне с другими членами референтной группы. Кроме того, их внимание сосредоточено преимущественно на умственной работоспособности.

Выявленные категории вида работоспособности (умственная/физическая), социальной группы («здоровая»/«социально неблагоприятная») показывают, что стратегия кодировки данных, применяемая в методе матриц, модифицирует первичные данные преимущественно с точки зрения индивидуальных и групповых отношений. Категории психологических характеристик, напротив, имеют весьма абстрактный и разрозненный характер, что обнаруживает недостаточное внимание к собственно внутренним личностным переменным. При этой стратегии кодировки данных они приобретают сугубо дескриптивный вид, оформляются в некоторые наборы черт и установок (Auerbach, Silverstein, 2003).

Стратегия описания категорий, которая в методе Майлса и Хабермана сводится к построению логически структурированных матриц, оказалась удобным и практичным аналитическим инструментом. Матрицы раскрывают логические уровни изучаемого явления и взаимосвязи между ними. Разделение категорий по логическим уровням позволяет увидеть ключевые элементы анализа с несколько иной точки зрения. Категории объединяются здесь в целые тематические блоки, позволяющие понять структурные составляющие предмета качественного исследования и подчас обнаружить латентные отношения между категориями (David, Sutton, 2004; Miles, Huberman, 1994).

Покажем на примере процесс принятия решения об употреблении некоторого витаминного препарата. Матрица интервью состоит из 5 уровней. По рекомендации врача ребенок начинает принимать витаминный препарат для восстановления иммунитета и повышения успеваемости в школе. Мать видит благоприятные результаты и отмечает, что препарат, возможно, также эффективно работает «против старения». Этот первый уровень матрицы отражает логику знакомства с препаратом и тем самым устанавливает причинные связи в триаде «врач—ребенок—мать». На втором уровне матрицы можно увидеть, что мать, вспомнив совет врача, начинает усиленно принимать рекомендованный ребенку препарат. Она руководствуется также мнением референтной группы подруг, которые принимают этот препарат «от сердечных болезней» и «для омоложения». На третьем уровне образ препарата становится более сложным и дополняется такими характеристиками, как «обновляет клетки», «снимает синдром хронической усталости». Имеют место атри-

буции биологического действия препарата, ибо он «растворяет жиры», «работает внутри организма». Эти атрибуты представляют особый интерес ввиду того, что инструкция по применению данного препарата показалась респондентке слишком сложной («для профессионалов») и она серьезно не вникала в ее содержание. На четвертом и пятом уровнях матрица показывает, что принятие препарата становится для женщины частью образа жизни, привычкой.

Данный пример раскрывает конкретно-методические особенности стратегии построения матриц. Логические уровни матриц показывают развитие представлений респондента об изучаемом продукте или явлении. В интервью эти представления часто описываются непоследовательно. Видно, что ключевая фигура врача исчезает уже на начальных уровнях, происходит своеобразная деперсонализация причины приема витаминного препарата, ее последующее усложнение и отнесение к значимым для респондента социальным группам. Итогом анализа категорий по матрицам является раскрытие более глубокого психологического механизма, который во многом обуславливает последовательность действий респондента.

Интерпретация данных начинается уже при построении матриц. Однако отдельная стратегия, предусмотренная в рассматриваемом методе, переносит полученные логические схемы в эмпирическую реальность. Эта стратегия получила название процесса контекстуализации (Denzin, 2002). Для осуществления контекстуализации нам необходимо сравнить полученные логические схемы и конкретные высказывания, выражающие непосредственный живой опыт респондента. С помощью разработанной логической схемы и понимания целостного контекста интервью происходит конкретизация и реконструкция реального опыта респондента (Brannen, 2004).

В ходе анализа интервью методом матриц мы обнаружили, что процесс контекстуализации представляет собой скорее проверку валидности, нежели интерпретацию данных. Привлечение конкретного фактического материала скорее позволяет говорить о стратегиях повышения валидности исследования, а интерпретация в полном смысле этого слова осуществляется при конструировании логических матриц.

Таким образом, несмотря на то что матрицы являются функциональным и валидным инструментом для проведения КАД, их гносеологические возможности как специальных стратегий работы с данными приходится признать ограниченными. Эта ограниченность определяется прежде всего специфически заданными гносеологическими рамками как при кодировке, так и при дальнейшем анализе данных. Эти рамки в свою очередь обусловлены определенными методологическими особенностями самого аналитического подхода, а именно его позитивистской ориентацией и акцентированием понятий валидности и надежности полученных данных (Henwood, 1996).

Метод обосновывающей теории Страусса и Корбин

Отличительной особенностью кодировки здесь является изучение условий, которые приводят к изменению связи между категориями. Подобные условия называются знаками изменений (Страусс, Корбин, 2001). Иллюстрацией отношений между категориями и знаками является следующий случай.

При анализе серии интервью, посвященной представлениям о внешности, нами был выведен весьма противоречивый категориальный ряд. Четко обозначились категории социальных групп («богатые и красивые», «бедные и уроды»), образа внешней красоты (по дихотомии «естественная — эталонная») и личного образа красоты. Однако подкатегории (внутренняя и внешняя красота), составляющие последний код, оказались логически противоречивыми и обладали различной частотой встречаемости. Если внутренняя красота упоминалась в общей сложности по всей серии интервью 16 раз, то телесная красота («эстетика тела», «мой телесный эталон») — 37.

Затем полученные категории рассматривались с точки зрения условий, послуживших причиной для подобных логических несоответствий. Мы вновь обратились к стенограммам интервью, т.е. первичным данным, и обнаружили любопытный факт: переход от категории внутренней красоты к категории красоты внешней характеризовался ярко окрашенным эмоциональным фоном. Респонденты говорили о возникающем чувстве неуверенности (в нескольких интервью — даже о чувстве собственного «уродства»), когда им не удается посвятить достаточно времени уходу за своей внешностью. За подробным описанием внутренних переживаний следует вывод: «Не хочу вообще выходить на улицу. Никуда. И для меня внешность — это реально вообще определяющий фактор. И это правда». Итак, глубокое эмоциональное переживание собственной внешности является условием логического перехода между двумя категориями. Если воспользоваться специальной терминологией Страусса и Корбин, то анализ обнаружил знаки, указывающие на изменение вектора действий и опыта участников исследования (Strauss, Korbin, 1990). Знаки изменений близки тому, что в качественной интерпретации данных проективных методик принято называть эмоциональным тоном восприятия (Бурлачук, 2002; Соколова, 1980). Таким образом, можно предположить, что знаки изменений представляют собой вербальные индикаторы глубинной мотивационной сферы личности.

После описания специфики стратегии кодировки данных обратимся к изучению специфики матрицы условий, интерпретирующей и объединяющей полученные категории и знаки в целостный контекст. Страусс и Корбин исходят из предположения, что все уровни матрицы одинаково важны и связаны между собой. Матрица условий, представляя системный взгляд на изучаемый феномен, считается отличительной

чертой метода обосновывающей теории в целом. В нашем исследовании эта гипотеза не получила полного эмпирического подтверждения.

При анализе ряда интервью на тему создания специальной радиостанции для работающих в Москве выходцев из стран ближнего зарубежья, мы увидели существенный разрыв между категориями и знаками изменений, предварительно распределенных по этим матричным уровням (табл. 1).

Таблица 1

Уровни матрицы условий, построенной методом Страусса и Корбин

Уровень матрицы условий	Категории	Конкретные данные
Территориальный	Информация о городе	«Программы с информацией о том, где купить дешевые продукты, с указанием, какое метро, какая ветка...»
Организационный	Проблемы с документами	«Большая проблема — прохождение регистрации. Если в общежитии живешь, то все понятно. А что делать с регистрацией, если я буду жить в квартире? Как ее получить? ... И другие юридические вопросы первое время в Москве вызывают проблемы... и нужна помощь»
	Психологическая поддержка	«Когда приехала в Москву, поддерживал только муж, а так я все делала одна, очень не хватало поддержки... Она вначале очень нужна — от друзей или хотя бы вот взять от такого радио»
Коллективный (групповой)	Новости из родной страны	«Обязательно стал бы слушать, чтобы быть в курсе событий, происходящих на малой родине»
	Родной язык вещания	«Я думаю, узбеки бы с удовольствием слушали радио на своем родном языке и свою родную музыку»
Действий	Относительно пассивная позиция, установление дистанции	«Мне эта идея кажется чуждой, так как ни один нормальный человек по приезду в Москву не бросится первым делом внимать FM-волнам, хотя бы потому, что у него не будет на это времени!»; «У меня время на радио зависит от количества дел на кухне. Поэтому я думаю, что это ничего принципиально бы не изменило»; «Специально, нет, наверное, не слушала бы, если только в приступе жесткой ностальгии»

Характеристики такой радиостанции, предложенные респондентами, имели вид следующих категорий: «информация о городе» (частота встречаемости — 23), «проблемы с документами» (18), «психологическая поддержка» (12), «новости из родной страны» (5), «родной язык вещания» (5). Указанные категории относятся преимущественно к территориальному и организационному уровням. Следовательно, новая радиостанция должна помогать интеграции приезжих в информацион-

ное пространство Москвы в рамках местного вещания; государственный и индивидуальный уровни не были отражены в анализе.

Итак, мы показали, что уровни матрицы условий при использовании метода обосновывающей теории варьируются в зависимости от особенностей изучаемого предмета. Несмотря на высказанные критические замечания, следует подчеркнуть и достоинства использования матрицы в методе обосновывающей теории. Полученные в результате кодировки данные помещаются в широкий социальный контекст; это позволяет формулировать гипотезы относительно не только малых групп, но и более крупных социальных общностей (Goulding, 2002). В приведенном выше примере проблема новой радиостанции при помещении в условное матричное пространство была последовательно раскрыта в контексте общественной структуры.

В заключение еще раз обратим внимание на тот факт, что мы по ходу анализа постоянно возвращались к исходным данным. Некоторая цикличность анализа данных — их редукция до отдельных категорий, уровней, систем и одновременная работа с конкретным эмпирическим материалом — обусловлена спецификой самого метода обосновывающей теории, постулирующей системный характер качественного исследования (Charmaz, 2006). Системность метода Страусса и Корбин, как мы продемонстрировали на ряде иллюстраций, предполагает формулирование широких теоретических обобщений и параллельное изучение конкретного эмпирического материала (Страусс, Корбин, 2001). Эта отличительная черта метода расширяет его гносеологические возможности и является инструментом обеспечения валидности исследования в целом.

Метод дискурс-анализа

Работа со стратегией кодировки, характерной для данного метода, оказалась достаточно сложной. В ходе кодировочного процесса возникало впечатление абсолютной разрозненности «повествования» (стенограммы интервью). Мы намеренно употребляем этот термин по отношению к исходным данным, так как, согласно методологическим основаниям метода дискурс-анализа, понятие данных операционализируется как текст, подлежащий деконструкции (Деррида, 2007; Ильин, 1996). В результате кодировки текста мы получаем ряд логических конструкций. Остановимся на их характерных чертах.

Во-первых, эти конструкции представляют собой индивидуальные смысловые образования, рассматриваемые отдельно от семантического пространства текста. В большинстве случаев речь идет об утверждениях, имеющих ярко выраженный оценивающий характер. Приведем конкретные примеры из различных интервью. Так, при обсуждении витаминного препарата респондент утверждает, что «всегда в нем дол-

жен быть витамин Е, это всегда приветствовалось». Или, скажем, на вопрос, от каких факторов зависит работоспособность человека, дается ответ следующего рода: «Первое — от заработной платы, второе — от квалификации и третье — от желания работника выполнять свою работу». Анализ обнаруживает множество подобных частных утверждений, имеющих вид житейской оценки той или иной стороны исследуемого предмета (Arribas-Ayllon, Walkerdine, 2008). Эти частные утверждения теоретики дискурса иногда называют пропозицией (Макаров, 2003).

Во-вторых, объектом процесса имплицатурной кодировки становятся преимущественно использованные в тексте метафоры. Метафоры символически отражают степень включенности изучаемого предмета в реальный опыт, его бессознательно определяемое функциональное назначение в некоторой практической деятельности (McLeod, 2001). В нескольких интервью мы видели, как рефлексия решения респондента об обращении к некоторым витаминным препаратам завершается абстрактным заключением: из болезни «нужно было как-то вылезать». Эта метафора, заключенная в приведенном единичном высказывании, раскрывает внутренние структуры создаваемого дискурса. Через несколько страниц стенограммы та же метафора повторяется в чуть измененном виде: «врач посоветовал витамины и вытащил меня». Итак, можно сделать заключение о наличии локального дискурса, который находит выражение в имплицатурных и релевантных категориальных рядах (Макаров, 2003).

В-третьих, отдельного упоминания заслуживает специфическое наполнение категории, которая в методе дискурс-анализа называется референцией; ее функция заключается в отражении процесса преломления и переосмысления имен из общественного дискурса в индивидуальных и локальных дискурсах. Анализ интервью показал, что через эти имена в категории включаются символические элементы, заимствованные из широкого социального контекста. Референция в определенном смысле служит связующим звеном между категориями, относящимися к конкретным исследовательским случаям и к большим социальным группам (Филлипс, Йоргенсен, 2008). Использование подобных категорий при стратегии кодировки данных становится инструментом реализации внешней валидности исследования уже на ранних этапах анализа.

Так, в приведенных выше интервью, где обсуждалась проблема значимости внешней привлекательности, мы столкнулись с упоминанием Кэмерон Диаз или Дженнифер Лопес. Эти имена выражают некоторые эталоны (нормативы), характерные для общественного дискурса. Если при кодировке данных набор эталонных имен представляется случайным набором иллюстраций, то на следующих этапах анализа он получит свое обоснование.

Описание полученных категорий выстраивает данные в некий логический ряд. Продолжим для ясности изложения предыдущий пример. Референции звезд и знаменитостей выглядят закономерным

образом по той причине, что субъектом дискурсивной практики здесь выступает молодежная группа, преимущественно включающая лиц женского пола. Далее нам необходимо восстановить последовательность категорий. Так, при дискурсивном анализе интервью, которое мы приводили при описании метода Страусса и Корбин, нам удалось построить последовательность такого рода (табл. 2): пропозиции об отношении к определенным лицам и красоте — метафора об эстетике тела — референция относительно знаменитостей — метафора о собственных телесных ощущениях — пропозиции относительно ухода за собой — референция стереотипных персонажей. Критические точки тут представляют переходы от пропозиций к метафорам, затем от метафоры к референции. Подобная закономерность была подтверждена в других сериях интервью и является, похоже, отличительной особенностью развертывания дискурса и повествовательного вектора.

Таким образом, стратегия описания категорий является логической систематизацией полученных данных. Ее специфика заключается в том, что категории оформляются в своеобразные модели текста. В этих моделях отражается процесс деконструкции текста и развертывания его латентного дискурса (Gasche, 1986). Заметим, что по результатам нашего анализа дискурс, стоящий за этими моделями, имеет отстраненный, фактически безличный и внесубъектный характер.

Эта особенность оказывается решающей при интерпретации итоговых данных. Дискурс обсуждения соединяется с широкими социальными дискурсивными практиками, принятыми в данном обществе (Фуко, 1996; Wooffitt, 2005). При конечной интерпретации обнаруженная структура дискурса становится, если мы прибегнем к специальной философской терминологии, замкнутой в самой себе, самодовлеющей детерминантой опыта и суждений участников исследования (Зотов, 2005). Скажем, итогом анализа отношения к витаминным препаратам стало раскрытие роли социального института здравоохранения в распространении информации о некоторых лекарствах, которая принимается различными социальными группами и включается в их практическую деятельность. Это включение объекта потребления в деятельность оказывает влияние на познание социального мира: представления о сохранении иммунитета посредством витаминов трансформируются и становятся более сложными и дифференцированными. Очевидна известная пассивность позиции познающего субъекта.

В целом метод дискурс-анализа акцентирует внимание на скрытых в повествовательной структуре обсуждения моментах. Важным, но вместе с тем весьма дискуссионным представляется положение, аксиоматично принимаемое сторонниками этого метода, о семантическом единстве используемых категорий и структуры общественного дискурса (Burr, 2003; Harre, Stearns, 1995). Это дает возможность расширить границы

Фрагмент логической структуры текста, построенной методом дискурс-анализа

Ключевые категории	Конкретные данные	Критические точки (1) и место в структуре дискурса (2)
Пропозиция	«Сейчас общество делится на красивых и богатых и бедных уродов»	(2) Обозначение границ и носителей социального дискурса
Пропозиция и метафора	«Они красят себе ядерные ресницы, волосы белые, ногти наращенные, декольте до пупа... Вот это вообще не красота, это отстой, потому что мужчины на это не ведутся совершенно либо идиоты ведутся»	(2) Феноменологические характеристики
Пропозиция	«Для меня модель та красивая, у которой большие глаза, большие губы, маленький нос. Ну, такая классическая»	(2) Феноменологические характеристики
Пропозиция	«Признаки красивой женщины — это либо волосы какие-то роскошные, либо глаза огромные, либо губы пухлые. Что-то такое, ну, какие-то банальности»	(2) Феноменологические характеристики
Метафора	«Банальности, которые, в принципе, работают»; «Если ты нормальная [с точки зрения обычных людей], то все, ты уже жирная свинья и это уже некрасиво [по мнению ближайшего окружения респондентки]» «Я лично люблю эстетику тела»	(1) Начало перехода от общих суждений к конкретным лицам (2) Метафорическое употребление понятия из науки эстетики и его внешний характер («банальности работают») указывает на формальные границы власти социального дискурса (по терминологии М. Фуко)
Референция и релевантная пропозиция	«Кэмерон Диаз, она такая... она никогда не поправлялась в жизни, всегда такая хорошенькая, у нее отличный баланс между симпатичным лицом и телом проработанным, т.е. у нее не природное ж такое, она работает над собой, и это, по-моему, классно»	(2) Формирование связи между социальным и локальным дискурсом: конкретный образ определяет индивидуальные представления о красоте
Пропозиция	«Не люблю очень не покрашенные корни волос, т.е. я в принципе каждую неделю хожу в салон: солярий, чистки лица, маски для волос... Челка у меня всегда должна быть идеально пострижена...»	(1) Переход к образу жизни и индивидуальному опыту
Метафора и пропозиция	«У меня болезнь была адская... так что все-все в кучу... У меня была нервная булимия. Очень серьезная»; «Этот механизм [борьба с лишним весом], он бесконечен»	(1) Переход к биографическим подробностям (2) Возможно, выявлена связь между болезнью и социальным дискурсом («адская», «механизм» как указание на «потусторонний», внешний характер причины)

анализа от конкретного исследовательского случая до более широких социальных общностей. Одновременно мы достаточно ясно показали наличие некоторого разрыва между конкретным, живым опытом участников и конечными моделями дискурсивной практики ввиду их специфических особенностей.

Сравнительный анализ трех подходов

После эмпирического исследования особенностей основных подходов, используемых для анализа результатов качественного исследования, мы можем перейти к процедуре сравнительного анализа рассмотренных нами подходов. Критериями для сравнения выступают: а) специфика стратегий анализа и получаемых данных; б) особенности итогового результата качественного анализа, т.е. гносеологические возможности метода для изучения социальной реальности, охватываемая им феноменология; в) особые решения проблем валидности и надежности.

Стратегия кодировки данных. Мы обнаружили сходство между стратегиями кодировки метода матриц Майлса и Хабермана и метода обосновывающей теории Страусса и Корбин. Если первый из них охватывает наиболее часто встречающиеся темы и действующих лиц интервью, то второй делает акцент на конкретном опыте и участниках некой последовательности действий. Здесь, однако, имеется небольшое отличие, которое даст о себе знать на следующих уровнях анализа. Метод матриц работает с категориями, которые являются как бы статичными, законченными с точки зрения внутренней структуры и содержания. Метод обосновывающей теории, напротив, формирует семантически неоднородный категориальный аппарат. Кроме того, в нем присутствует дополнительный кодировочный ряд условий, выступающий в качестве знака изменений происходящего действия. Семантика категорий является тут производной от опосредствующих действие условий, в роли которых часто выступают глубинные личностные диспозиции. Их анализ возможен за счет специальных вербальных индикаторов. Метод матриц часто редуцирует не только частные условия, обнаруживающие себя при повествовании, но и эмоциональный фон интервью, ибо главной целью кодировочного процесса оказывается формулирование максимально полного набора категорий. Кодировка ограничивается исключительно первичным вербальным материалом.

Обсуждая стратегии кодировки данных, следует отметить, что метод дискурс-анализа и предыдущие аналитические подходы различаются здесь кардинальным образом. Получаемые посредством дискурс-анализа данные являются фрагментарными логическими последовательностями, единичными составляющими текста. Коды объединяются

на последующих уровнях анализа непосредственно в структурные компоненты дискурса. Таким образом, категориальная сетка дискурс-анализа построена довольно жестко и потому оказывается сложной в практическом использовании, но достаточно функциональной и адекватно охватывающей проблематику интервью. Этим она отличается и от категориальной сетки метода матриц, где категории сводятся в большей степени к социальным характеристикам и не раскрывают полностью отношения между внутренними переменными, и от метода Страусса и Корбин, утверждающего принцип открытой кодировки.

Важно также, что понятие критической точки, анализ которой осуществляется на более высоких уровнях дискурс-анализа, формально оказывается близким понятию знака изменений в методе обосновывающей теории. Формальное сходство не должно запутать нас: ведь знак есть отдельная категория условий, в отличие от критической точки, представляющей изменение дискурсивной последовательности выделенных текстуальных структур. Следовательно, знак относится к неким частным аспектам происходящего действия или ситуации, а критическая точка отражает общие векторные направления повествования.

Стратегия описания категорий. Общей чертой для всех рассматриваемых методов является использование схематических матриц. Матрицы распределяют категории данных в схемы, оформляют разрозненный тематический ряд в модель. Специфика получаемой модели зависит, разумеется, от методических особенностей того или иного подхода. Метод матриц выстраивает категории по логическим уровням, отчетливо обнаруживает формальные связи между этими уровнями. Метод обосновывающей теории также систематизирует категории, но, в отличие от предыдущего подхода, выносит их за пределы конкретного случая. Здесь осуществлена попытка представить категории, различные тематические объединения с точки зрения общественно-процессуальной динамики. Матрица условий Страусса и Корбин, как мы видели при рассмотрении конкретного эмпирического материала, демонстрирует тенденции к объяснениям изучаемого явления через отношения между различными социальными группами и институтами. Главное отличие между двумя подходами проходит по критерию наличия или отсутствия переменной широкого социального контекста.

В этом сравнении метод дискурс-анализа вновь занимает особое место. Логическая последовательность категорий и критических точек имеет совершенно отличное от метода матриц и метода обосновывающей теории функциональное назначение. Цель схемы в дискурс-анализе — обнаружить латентные детерминанты индивидуальных действий, определяемые общественным дискурсом. Через метафоры и референции в текстуальное пространство вносится связь с принятым в данном обществе дискурсом. При этом, хотя категории и вскрывают истинное смысловое пространство текста, очевиден производный

характер кодировочного ряда от самого дискурса. В предыдущих методах, напротив, категории связываются общей логикой и составляют внутреннее единство.

Стратегия интерпретации. Результаты, полученные по исследованию стратегий интерпретации, весьма удивили нас. Интерпретация полученных данных оказалась либо смешана с процедурой анализа, либо заменена ею. В методе Майлса и Хабермана процесс интерпретации связан с контекстуализацией полученного матричного материала. Теоретически введение понятия контекстуализации представляется перспективным решением, ибо предполагает возвращение изучаемого феномена в эмпирическую реальность. Однако эта реальность у Майлса и Хабермана ограничивается отдельными исследовательскими случаями. Контекстуализация становится проверкой валидности и надежности итоговых данных. Интерпретация как таковая остается на уровне построения матричных логических связей.

Аналогичная ситуация характеризует метод обосновывающей теории. Здесь интерпретация, в сущности, сводится к дифференциации и объяснению изучаемого явления по уровням, представляющим социальные группы различной степени общности. Несмотря на выведение исследуемой проблематики в более широкий контекст, возникают вопросы относительно достоверности итоговых данных вследствие смешения их описания и интерпретации.

Указанный недостаток, объединяющий оба метода, частично исправлен в дискурс-анализе, который связывает выявленные дискурсивные последовательности с социальными практиками. Эта интерпретация, как обнаружилось в ходе эмпирического исследования, неминуемо противопоставляет культурный и индивидуальный опыт, подчиняя последний замкнутой нормативно-дискурсивной системе. Таким образом, все три метода отличаются непоследовательным разделением стратегий описания и интерпретации.

Гносеологические особенности каждого подхода можно условно представить в виде трехступенчатой модели.

На первой ступени будет располагаться метод матриц Майлса и Хабермана, охватывающий феноменологию изучаемого явления в рамках конкретного случая или набора случаев. Акцент делается преимущественно на социальных характеристиках феномена; внутренние переменные оказываются дополнительными. *На второй ступени* стоит метод обосновывающей теории Страусса и Корбин. Здесь гносеологические границы могут захватывать те или иные аспекты социального контекста, что целиком определяется результатами, полученными по стратегии кодировки данных. Наконец, *на третьей ступени* мы видим метод дискурс-анализа. Его методический инструментарий позволяет связать конкретный материал и процессы, осуществляемые на макро-социальном уровне.

Конечно же никакая гносеологическая модель не оценивает аналитические подходы с точки зрения их практической ценности применительно к научным исследованиям (Пигров, 2005). Каждый из трех рассмотренных методов обладает своими достоинствами и недостатками. Модель отражает закономерность, которая ясно обнаружила себя при проведении нашего эмпирического исследования. Эта закономерность есть определенного рода методологическая дилемма: обобщение итоговых данных относительно больших социальных групп становится угрозой понижения валидности и надежности качественного анализа; напротив, изучение отдельного случая часто предполагает наличие разработанного инструментария для соблюдения достоверности данных (Flick, 2006; Maxwell, 2004).

Последнее положение подтверждается и нашими результатами. Метод матриц Майлса и Хабермана выделяет, в сущности, отдельный уровень для проверки валидности проведенного анализа и соответствующие техники, называемые процессами контекстуализации. Выводы делаются только после проведения проверочной процедуры. Валидность обеспечивается включением универсальной сетки для качественного контент-анализа и подробным инструктированием по построению матриц.

Метод обосновывающей теории Страусса и Корбин обладает одним отличительным свойством, на которое мы в свое время обращали пристальное внимание. Каждый этап работы с данными предполагает параллельное обращение к первичным неструктурированным материалам. Это касается не только процесса наполнения категорий, но и более высоких уровней анализа.

Что касается метода дискурс-анализа, то здесь меры соблюдения валидности выглядят не столь исчерпывающими. Введение категории референции предполагает соблюдение внешней валидности анализа. Впрочем, авторы метода дискурс-анализа апеллируют к богатой философской традиции и предполагают пересмотр самого критерия научности.

В ходе проведенного исследования было установлено, что все три изученных метода фактически ограничиваются подробным анализом явления и подчас не осуществляют никакой интерпретации. Методы анализа качественного исследования, используемые нами, выявляют специфические особенности мышления и действий участников, их логические и смысловые структуры. Никаких дальнейших профессиональных заключений не предполагается. Тем самым теряется связь между аналитическим процессом и исследовательскими целями (Мельникова, 2007; Coffey, Atkinson, 1999; Silverman, 1997, 2006). Этот момент указывает на необходимость изучения взаимоотношений между эпистемологией и практической спецификой каждого метода качественного анализа. Мы надеемся, что наша работа является начальным шагом в исследовании этой сложной, но весьма перспективной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлачук Л. Ф.* Психодиагностика. М., 2002.
Деррида Ж. Диссеминация. М., 2007.
Зотов А. Ф. Современная западная философия. М., 2005.
Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003.
Мельникова О. Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М., 2007.
Пиэров К. С. Социальная философия. СПб., 2005.
Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М., 1980.
Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования. Обосновывающая теория. Процедуры и техники. М., 2001.
Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.
Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- Arribas-Ayllon M., Walkerdine V.* Foucauldian discourse analysis // Handbook of qualitative research in psychology / Ed. by C. Willig, W. Stainton-Rogers. L., 2008. P. 91—108.
Auerbach C.F., Silverstein L.B. Qualitative data: an introduction to coding and analysis. N.Y., 2003.
Brannen J. Working qualitatively and quantitatively // Qualitative research practice / Ed. by C. Seale et al. L., 2004. P. 312—326.
Breitmayer B.J., Ayres L., Knafel K.A. Triangulation in qualitative research: evaluation of completeness and confirmation purposes // Image: J. of Nursing Scholarship. 1993. Vol. 25 N 3. P. 237—43.
Burr V. Social constructionism. L.; N.Y., 2003.
Charmaz K. Constructing grounded theory: a practical guide through qualitative analysis. L., 2006.
Coffey A., Atkinson P. Making sense of qualitative data. Thousand Oaks, CA, 1999.
David M., Sutton C.D. Social research: The basics. L., 2004.
Denzin N.K. The interpretive process // The qualitative researcher's companion / Ed. by A.M. Huberman, M.B. Miles. L., 2002. P. 349—366.
Flick U. An introduction to qualitative research. L.; Thousand Oaks, CA, 2006.
Gasche R. The Tain of the Mirror: Derrida and the philosophy of reflection. Cambridge, MA, 1986.
Goulding C. Grounded theory: a practical guide for management, business and market researchers. L., 2002.
Harre R., Stearns P.N. Introduction: psychology as discourse analysis // Discursive psychology in practice / Ed. by R. Harre, P.N. Stearns. L., 1995. P. 1—8.
Henwood K.L. Qualitative inquiry: perspectives, methods and psychology // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences / Ed. by J. Richardson. Leicester, UK, 1996. P. 25—42.
Henwood K., Pidgeon N. Beyond the qualitative paradigm: a framework for introducing diversity within qualitative psychology // J. of Community and Appl. Soc. Psychol.. 1994. Vol. 4. N 4. P. 225—238.
Kirk J., Miller M.L. Reliability and validity in qualitative research: qualitative research methods. Beverly Hills, CA, 1986.
Maxwell J.A. Qualitative research design: an interactive approach. Thousand Oaks, CA, 2004.
McLeod J. Qualitative research in counseling and psychotherapy. L., 2001.
Miles M.B., Huberman A.M. Qualitative data analysis. Thousand Oaks, CA, 1994.
Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. L., 1987.
Richards L. Handling qualitative data: a practical guide. L., 2005.

Silverman D. The logics of qualitative research // Context and method in qualitative research / Ed. by G. Miller, R. Dingwall. L., 1997. P. 12—25.

Silverman D. Doing qualitative research: A practical handbook. L., 2000.

Silverman D. Interpreting qualitative data: Methods for analyzing talk, text and interaction. L., 2006.

Strauss A.L., Korbin J. Basics of qualitative research. Newbury Park, CA, 1990.

Wiggins S., Potter J. Discursive psychology // Handbook of qualitative research in psychology / Ed. by C. Willig, W. Stainton-Rogers. L., 2008. P. 73—90.

Wooffitt R. Conversation analysis and discourse analysis: a comparative and critical introduction. L.; Thousand Oaks, CA, 2005.

Поступила в редакцию

31.07.09